

М.П. Ахиджакова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего языкознания
Адыгейский государственный университет, Майкоп (Россия)

Т.Ю. Пантелеева, кандидат филологических наук, доцент, заместитель начальника по учебной и научной работе
Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, Новороссийск (Россия)

Ключевые слова: репрезентация; языковое сознание; юридический дискурс; антропологическая концепция; человекознание; тематическое пространство; гендер; лингвогендерное поле.

Аннотация: Рассматривается создание единой теории человека на основе его комплексного познания, что является важнейшей тенденцией современной науки. На основе анализа и обобщения данных, содержащихся в исследованиях, автором проведено описание антропологической концепции человека, рассматривающей его как символическое существо, что представляет особый интерес в современной лингвистике. Анализируются особенности проблемы идентификации человека как представителя определенной культуры и выделения его доминирующих свойств, воплощенных в языковых единицах, их описание в тематическом пространстве «человек–культура».

В современной лингвистике антропологическая концепция человека, рассматривающая его как символическое существо, представляет особый интерес. Человек для своего ориентирования в мире создал и пользуется такими особыми опосредствующими символическими структурами, как язык, мифология, искусство, с помощью которых он «формирует образ мира как основу своей жизнедеятельности» [1, с. 59]. Обращение к философским вопросам о человеке вызвано тем, что философские предпосылки необходимы для понимания лингвистических явлений и других аспектов познания. Философские идеи, формировавшиеся на протяжении столетий, вошли в нашу культуру в виде картины мира и влияют на нас тысячами способов [2, с. 498]. В философско-антропологических концепциях сущность человека обычно раскрывается путем противопоставления его другим существам. Мир есть таков, каков он есть, независимо от способа, которым человеческие существа понимают мир [2, с. 498]. Таким образом, помимо человека и его субъективных реакций, мы рассматриваем объективистский взгляд на природу реальности. Человек, тем не менее, остается в центре внимания любого исследователя.

Отметим, что интерес к человеку, особо остро проявляющийся в кризисные времена, в сущности, всегда оставался главной исследовательской проблемой гуманитарных наук. Современный антропологический ренессанс, характерный также и для лингвистики, объясняется, по мнению философов, осознанием угрозы человеку (экологической, военной, демографической, потери этнокультурной специфики) и отличается попыткой поиска на новом этапе исторического развития ответов на вопросы, связанные с сущностью человека [3, с. 35].

В условиях глобализации человеческого общества дальнейшая разработка проблем идентификации человека как представителя определенной культуры и выделения его доминирующих свойств, воплощенных в языковых единицах, их описание в тематическом пространстве «человек–культура» приобретают особую значимость. Подчеркнем, что именно это тематическое пространство актуализирует проблему гендера и благоприятствует использованию понятия «лингвогендерное поле».

Проиллюстрируем отмеченные общие характеристики на показательном дискурсивном материале – юридическом. А именно – на примере теледискурса «Федеральный судья» [4].

Для рассматриваемого лингвогендерного поля, как комплексного объекта, отражающего способ организации лингвистической реальности и включающего репрезентацию языкового сознания, значимы два взаимосвязанных плана характеристик. Во-первых – специфика отношений между коммуникантами. Во-вторых – реализация системных отношений, прежде всего семантических, прагматических, а отчасти и синтаксических (синтаксических). Отметим два плана характеристик последовательно. Для первого, т.е. отношений между коммуникантами, характерно сложнейшее взаимодействие ряда линий коммуницирования: в процессе, например, выделяются элементарные линии: «адвокат–судья», «адвокат–подсудимый» и мн. др., при этом один дискурсивный фрагмент может являть закономерную взаимосвязь двух и более элементарных линий, например, раздельноцелостное обращение прокурора к судье и к подсудимому (как ниже во втором примере).

Для другого плана рассматриваемых характеристик, т.е. для реализации системных отношений, принципиальна в материале лингвокогнитивная избирательность.

Проиллюстрируем единство двух планов характеристик двумя разными, но системно связанными примерами. Первый – обращение адвоката к своей подзащитной, в котором используется форма так называемого нового звательного, усеченная с морфемно-морфологической точки зрения и интимизирующая по своей природе. Она используется в дискурсе несколько раз и в линии отношений между этими коммуникантами доминирует. Причем – в сугубо официальной ситуации. Например: «Оксан, ну давайте сразу излагать...Оксан, ну вот вы объясните суду...».

Данная форма (являющая прежде всего синтаксическую сторону знака, но соотносимая и с прагматикой) выступает как системно специфичный способ представления языкового сознания. Для этой системности наиболее важны два признака. Во-первых, единица гендерно закреплена, т.е. определяет лингвистическую суть поля и при этом особую реализацию языкового сознания: обращение мужчины-адвоката к подзащитной

было бы совершенно неприемлемым, недопустимым. Во-вторых, системность проявляется в том, что форма закреплена и коммуникативно-функционально (в другой терминологии: дискурсивно-статусно): так может к своей подзащитной-подсудимой обратиться именно адвокат, для прокурора и даже судьи подобное неуместно.

Второй пример, входящий в системные отношения с первым, – обращения к той же подсудимой другого участника процесса, прокурора: мужчина, он реализует другую доминанту языкового сознания, сугубо рассудочную, в которой представлены разветвленные отношения обусловленности, детерминации. Такая языковая избирательность тоже связана с единством синтактики и прагматики, хотя связь проявляется несколько иначе, чем в первом примере.

«Прокурор: Понятно. Ваша честь, обращаю внимание суда, что действительно, согласно выписки по банковскому счету подсудимой, справки из банка можно установить, что в 17 часов 33 минуты подсудимая положила на свой счет денежные средства в размере двести тысяч рублей. А уже через час, согласно книги учета преступлений, непосредственно в отделение города Саратова обратилась потерпевшая с заявлением о совершении кражи. И у меня будет вопрос к Вам. Подсудимая скажите, а откуда у Вас такие денежные средства, двести тысяч рублей?»

Причем прокурор-мужчина подчеркнуто спокойно, бесстрастно, корректно реагирует на экспрессивные, отчасти обидные для него ответы подсудимой – пожалуй, женщина реагировала бы на них более эмоционально.

Укажем, что в материале проявляется и особенность, выявленная на ином эмпирическом пространстве В.В. Смеухой в разделе «Теоретико-методологические подходы к изучению гендерного дискурса» емкой общефилологической монографии [5, с. 12–13]. Это некоторая гендерная относительность, которая, на наш взгляд, приводит к определенному взаимовлиянию. В речи мужчин начинают реализовываться отдельные особенности женского дискурса, то есть те черты, которые изначально определяются как более свойственные женщинам (например, повышенная эмоциональность). И наоборот: в частности, женский дискурс в исследуемом пространстве нередко обретает повышенную рассудочность. Подчеркнем, что такой «обмен» (номинация, используемая в трудах В.В. Смеухи и ряда других авторов) всё более характерен для новейшего времени. Объяснять это взаимовлияние можно с различных позиций, в том числе взаимодополнимых. Для нашего материала приемлема когнитивно-коммуникативная детерминация: общение в гендерно-смешанной среде закономерно приводит к такому «обмену», что соотносится с единством языкового сознания.

Все проиллюстрированные характеристики могут найти углубленное объяснение именно в единстве когнитивной и антропоцентрической парадигм науки о языке.

Итак, наше время характеризуется большим интересом к человеку, его природе, сущности, различным аспектам его существования. Ушедший в историю двадцатый век выдвинул проблему человека на передний

план познания. В это историческое время он стал объектом междисциплинарного научного исследования. Получили импульс традиционные области знания о человеке – археология и этнография, медицина и анатомия, психология, педагогика, появились новые области научных знаний о нем – генетика, молекулярная биология, геновая инженерия. В итоге был накоплен огромный объем информации, который человек в противоречивой форме сочетает в себе (природные, социальные, культурные и иные характеристики). В двадцатом столетии слово «антропология» стало одним из самых распространенных в современном научном языке. Существуют такие ветви теоретического знания о человеке, как историческая антропология, культурная антропология, зоологическая антропология, антропогеография, экономическая антропология, юридическая антропология, медицинская антропология, прикладная антропология. Перечень «частных» антропологий имеет тенденцию к расширению, отражая тем самым неуклонное развитие в сфере научного антропологического знания [6, с. 430]. Феномен человека является объектом постижения («дискурса») также и во внеучном познании – в мифах («антропологические» мифы), в религии («религиозная антропология»), в искусстве (например, в «поэтической антропологии»), в моральных системах. К примеру, в художественной литературе раскрывается внутренний мир человека, его переживания, представления, ценностные ориентации и т. д.

Русский философ Н.А. Бердяев замечал в связи с этим: «Антропологии мы должны учиться у великих художников, у мистиков и у очень немногих одиноких и малопризнанных мыслителей. Шекспир, Достоевский, Стендаль, Л. Толстой, Пруст гораздо больше дают для понимания человеческой природы, чем академические философы и ученые – психологи и социологи» [7, с. 50]. Человек есть объект универсального познания, научного и внеучного. Полная истина о нем достижима лишь в точке пересечения различных форм знаний и представлений, в пространстве их диалога. Человек существует всегда как сложная, многомерная целостность, и поэтому истинное знание о нем может сформироваться только в рамках познавательного синтеза. Сложным является и сам человек, и сами знания о нем.

Антропология сегодня – это система разных знаний о человеке, целое направление в познании. В ее рамках ни одна из ветвей не вправе претендовать на монопольную роль, на обладание «последней» истиной. В антропологии недопустимо также противопоставление естественнонаучного, социально-экономического, культурологического и иных аспектов, срезов знания. По определению И. Канта, антропология есть «учение, касающееся человека и изложенное в систематическом виде» [6, с. 351]. Создание единой теории человека на основе его комплексного познания является важнейшей тенденцией современной науки. Познание человека является очень длительной традицией, которая берет свое начало в духовной культуре Древнего мира (Сократ, Эпикур). Антропология средних веков осуществила существенный поворот в представлениях о человеке. «Вырвав» его из «объятий» Космоса, она стала закладывать предпосылки для так называемого антропоцентризма в философии. Антропология средних

веков выделила в человеке такие его сложные духовные состояния, как вера, любовь, благоговение, страх, страдание, надежда [8, с. 62]. В рамках философии эпохи Возрождения формируется принципиально иной тип учений о человеке – *антропоцентризм*, для которого характерно восприятие человека в качестве некоего центра мироздания, и человек выполняет особую миссию, связанную с его деятельной природой. Важнейшие идеи данной антропологической парадигмы звучат следующим образом: во-первых, человек – дитя естественных предпосылок. Поскольку Бог растворен в природе, то божественное начало, следовательно, присутствует и в самом человеке как уникальном явлении бытия. Основное в человеке составляет его способность к творческой деятельности. Во-вторых, творческая деятельность человека носит универсальный характер – познавательная, практическая, художественная. Способность к универсальной деятельности делает его свободным, не нуждающимся для своего спасения в божественной благодати. Человек создает себя сам, опираясь на свои силы и возможности. Деятельность – это сам способ существования человека, путь к утверждению себя в этом мире. В-третьих, Человек являет собой воплощение гармонии и красоты, единство формы и содержания. В-четвертых, человек не похож на другого и неповторим, то есть выступает в качестве индивидуальности. В-пятых, философская антропология Возрождения наделяет человека ценностью, то есть высокой мерой значения в окружающем мире. Это гуманистическая антропология, в недрах которой формируется высокая мера оценки человека как явления мироздания. Учение о человеке Нового времени (17–19 вв.) придерживается рационалистической парадигмы. Ее важнейшие идеи: человек является разумным существом; человек призван к активной познавательной деятельности. Благодаря своей деятельностной установке, он способен создавать совершенно иную, в природе не встречающуюся реальность – мир культуры (орудия труда, язык, знания, техника, социальные нормы).

В Новое время на почве активных исканий и размышлений в философии и науке сформировались крупные антропологические учения, представленные в творчестве Б. Паскаля, И. Канта, Л. Фейербаха, С. Кьеркегора, Ч. Дарвина, Ф. Ницше. Вершиной Нового времени стало 19-е столетие, часто именуемое «антропологическим веком», ведь именно здесь формируются философский и научный подходы к исследованию человека [9, с. 150].

Предшествующий опыт его познания, начиная с античности, заложил предпосылки для нового антропологического поворота в философии. Начиная с Платона и Аристотеля, в классической европейской философии человек рассматривается, преимущественно, как определяемый разного рода внешними абсолютными началами – духом, природой и т.д. Это был метафизический человек, бытие которого определялось извне. Сегодня же в философской антропологии на первый план выходит антиметафизический человек, бытие которого определяется его конкретными жизненными ситуациями, которые всегда носят индивидуальный характер. Это человек, пытающийся разорвать цепи несвободы, выкованные внешним миром [2, с. 500]. Накопленный ранее огромный массив знаний позволил рассмотреть челове-

ка в различных его аспектах – физиологическом, биологическом, историческом и иных. Это сделало весьма актуальным целостное, всеобъемлющее познание человека, и выражением именно этой потребности стало появление философской антропологии как важного течения в философии 20-го столетия. Философия 20-го века обращается, прежде всего, к субъективности человека как основе социальной объективности всех явлений и событий, институтов общества.

Наше время являет собой предельно напряженную антропологическую ситуацию. Роль человека в мироздании постоянно возрастает, масштабы его деятельности непрерывно расширяются, а само будущее человека становится все более неясным, неопределенным. «Никогда еще в истории, – подчеркивал М. Шелер, человек не становился столь проблематичным для себя самого, как в настоящее время» [8, с. 52–53]. Актуальность «человекознания» обусловлена сегодня следующими объективными обстоятельствами: необходимостью совершенствования социальных отношений на стадии становления постиндустриального общества; необходимостью рационализации социальных и антропологических последствий современной научно-технической революции, преодоления несоответствий между научно-техническим и социальным прогрессом; необходимостью гармонизации отношений между человеком и природной средой как миром его существования; необходимостью осознания смысла жизни и призвания, определения ценностных ориентаций человека нашего времени, времени духовного кризиса; необходимостью целостного, системного познания человека, теоретического синтеза научных и вненаучных представлений о нем, осмысление новейших знаний о человеке; необходимостью поиска более совершенных форм взаимосвязи между человеком и обществом, смягчения и разрешения противоречий между ними; необходимостью новых подходов и ориентиров в современном гуманитарном познании, в гуманитарном образовании нашего времени.

Аксиома, сформулированная более двух тысяч лет назад Протагором: «Человек – мера всех вещей» [10, с. 30], и ныне остается непреходящей истиной. Но если человек есть мера всех вещей, то мерой самого человека могут являться вещи, им самим созданные, а также его творение – язык.

В проекции к нашему исследованию становление антропологии, история роста интереса к человеку имеют следующие преломления: речь идет о человеке, который являясь субъектом и носителем целостной картины мира, одновременно представляет ее фрагмент и, постигая и отражая в концептуальной системе и языке мир, постигает и отражает самого себя. Человек способен создать «символический посредник» между собой и действительностью. Проведенный нами обзор некоторых философских концепций о человеке дает возможность убедиться в актуальности заявленной темы, понять необходимость системного подхода к определению специфического, поиску общего, присущего разным культурам и отраженного в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого

- фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8–69.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев // Мир философии: в 2 ч. – М.: Политиздат, 1991. – 672 с.
 3. Геляева А.И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: дисс. ... д-ра филол. наук / А.И. Геляева. – Нальчик, 2002. – 307 с.
 4. Материалы телевизионной передачи «Федеральный судья» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.1tv.ru/sprojects/si=5681>
 5. Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса / В.В. Смеюха. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. – 318 с.
 6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М., 1999. – Т. 6. – С. 350–588.
 7. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
 8. Шелер М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 31–95.
 9. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
 10. Гомперц Т. Греческие мыслители / Т. Гомперц // Классическая философская мысль. – Минск: Харвест, 1999. – Т. 1. – С. 4–518.

THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF THE PERSON AS THE WAY OF REFLECTION OF THE COMPLETE PICTURE OF THE WORLD IN MODERN LINGUISTICS

© 2014

M.P. Akhidzhakova, Doctor of Philology, the associate professor managing chair of general linguistics
Adygei state university, Maikop (Russia)

T.Yu. Panteleeva, Candidate of Philology, the associate professor, the deputy chief on educational and scientific work
Novorossiysk branch of the Ministry of Internal Affairs Krasnodar university of Russia, Novorossiysk (Russia)

Keywords: representation; language consciousness; legal discourse; anthropological concept; chelovekoznaniiye; thematic space; gender; lingvogenderny field.

Annotation: Creation of the uniform theory of the person on the basis of his complex knowledge that is the most important tendency of modern science is considered. On the basis of the analysis and synthesis of the data containing in researches, the author carried out the description of the anthropological concept of the person considering it as a symbolical being that is of special interest in modern linguistics. Features of a problem of identification of the person as representative of a certain culture and allocation of its dominating properties embodied in language units, their description in thematic space of «people culture» are analyzed.